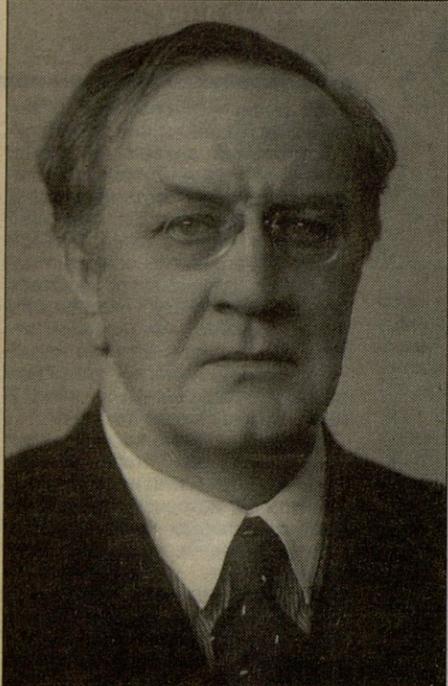

Василий Качалов: «Мы живем остатками прежней силы»

В.И.Качалов – М.Ф.Андреевой
Август 1904, Москва

Дорогая Марья Федоровна! Вот уже почти месяц, как я ломаю башку над разрешением того громадного для меня вопроса, который Вы мне поставили. Савве Тимофеевичу я все-таки ничего толком не ответил. Он ждал от меня ответа и не дождался. Стыдно и неловко мне и перед ним и перед Вами, но что же делать – Вы поймете, какой это для меня большой вопрос.

Как бы то ни было, вопрос решен: я принужден отказаться от Вашего предложения. В этом году я не в силах уйти из Художественного театра, вернее, уйти от Станиславского. Этот необыкновенный человек имеет над мной и власть необыкновенную. Я с ним много и откровенно говорил по этому поводу, и вот что я Вам скажу, дорогая Марья Федоровна. Как ни велика надо мной власть Станиславского, я почувствовал, что не в ней одной дело, что я легко мог бы не подчиниться ей, перешагнуть через нее, если бы... И вот в этом "если бы" вся штука – если бы во мне не заговорили, совсем неожиданно, благородные чувства – я не шучу, Марья Федоровна, – именно благородные чувства, какие редко, может быть, раз в жизни, вдруг заговаривают в человеке.

Вы легко поймете, какое это чувство, если вспомните, что сделал для меня Станиславский. Я, конечно, не говорю о том, что он помогал мне в создании ролей – это не так важно, мог помочь, а мог и помешать – и не о том, что ему я обязан своим положением, успехом, некоторым именем и так далее – это все суета. Я говорю о том, что он разбудил во мне художника, хоть маленького, но искреннего и убежденного художника, он показал мне такие художественные перспективы, какие мне и не мерещились, какие никогда без него не развернулись бы передо мной. Это дорого, это обязывает, это вызывает благодарность. И когда нужно показать на деле эту благодарность, когда тебе говорят, что ты своим уходом зашатаешь то дело, в которое я, Станиславский, вложил всю свою душу, и наоборот, оставшись хоть на год, сможешь пережить кризис, – ну, жели ты все-таки уйдешь?

Согласитесь, Марья Федоровна, что Художественный театр переживает острый кризис в этом году – по целому ряду причин, всем известных. Он или оправится и снова поднимет голову, или через год прикончится. Это для меня ясно. Станиславский любит это дело, как собственное дитя, и делает всяческие усилия, чтобы дать театру пережить кризис благополучно. Я не страдаю манией грандиоза, но должен верить ему, когда он говорит, что во всякое другое время мой уход можно пережить легко, теперь же он является ужасной жестокостью, даже по отношению к нему лично. На эту жестокость я и не могу решиться теперь. Вполне уверен, что через год обстоятельства театра изменятся – так или иначе, и я найду в себе достаточно решимости, чтобы ударить к Вам, если Вы этого захотите. А как я хочу, Вы не можете сомневаться – уже по одним моим мучительным колебаниям. Благодарю сердечно.

Целую ручки Ваши и кланяюсь Алексею Максимовичу.

Ваш Качалов

Нина (Н.Н.Литовцева) Вам давно уже ответила. Может быть, не получили? Она Вам написала в Ригу.

В эти дни мы вспоминаем о великом русском артисте Василии Ивановиче Качалове. Он родился в 1875 году в Вильно и умер в 1948 году в Москве. Стало быть, ему исполнилось 125 лет, и захватил он в России две эпохи: царскую и советскую.

Его почти полувековая творческая жизнь в Московском Художественном театре, прославленная ролями Берендея в "Снегурочке", Тугенбаха в "Трех сестрах", Пети Трофимова в "Вишневом саде", Барона в "На дне", особенная блистательным чтением стихов Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского и так далее и так далее – давно уже стала легендой. Страстная любовь к нему публики – тоже давно легенда, как и вся его счастливая актерская судьба. И что нам теперь до этой легенды в сравнении с дисгармонией нынешних актерских судеб и целей театров, казалось бы, созданных порывом единомышленников и на глазах распадающихся? Действительно: "Зачем вспоминать!" – как говорит Ирина в "Трех сестрах".

Оказывается, затем, чтобы, заглянув в жизнь Качалова, неожиданно увидеть в ней нечто очень близкое, знакомое, драматическое, сегодняшнее. И тогда преклониться перед его честью, совестью, благородством, его нравственным мужеством. Вот два письма Качалова, два острых эпизода из его артистического прошлого. Оба письма, несмотря на боль, говорят о победе над обстоятельствами.

Летом 1904 года Качалов писал известной актрисе Марии Федоровне Андреевой. Это было после того, как Художественный театр отказался ставить новую пьесу М.Горького "Дачники", высказав автору, что он несправедлив к интеллигенции. В ответ у некоторых лиц из МХТ родилось желание, протестуя, открыть новый театр в Петербурге или в Риге. Подобный театр мог иметь хорошую перспективу: с красавицей Андреевой на роли героинь, с испытанным меценатом Саввой Тимофеевичем Морозовым, с интересными режиссерами КАМарджановым и ААСаниным. Наконец, с горячим политическим репертуаром из пьес, которые напишет сам Горький. Горький был тогда надеждой, а революция 1905 года еще только волновала ожидания, и никто не подозревал у нее кровавого лица. Приглашение перейти в этот театр получил и Качалов. Не правда ли, ситуация на все времена?

Качалов не пошел. Его решение – образец редкой принципиальности, особенно для человека актерской профессии с ее подлинными и мнимыми соблазнами.

Минувло более двух десятков лет, и в иную эпоху Качалов снова явил пример предельной честности в искусстве. Весной 1926 года по окончании гастролей Музыкальной студии МХАТ в Америке В.И.Немирович-Данченко, ее создатель, не вернулся в Москву, в Художественный театр. Причина – расхождение между ним и "стариками", не согласившимися на предложенную им реформу. Он хотел слияния МХАТа со студией в единый театр современного направления, понимаемого им как "синтетическое" искусство оперы и драмы. Не приняв данный план, "стариками" резко настояли на полном обособлении студии от театра.

Качалов мог бы и не писать Немировичу-Данченко отдельно, потому что многое было выяснено общей перепиской "стариков" с одним из своих руководителей. Однако чувство личной ответственности и чести предписывали ему не прятаться среди всех и объясниться самому.

Кроме решительной позиции в конфликте, Качалов предельно откровенен в трагической теме артистической старости, на что не всякий решится.

Своего письма Качалов не скрыл от товарищей. Напротив, он просил тогдашнего администратора МХАТ Ф.Н.Михальского ознакомить с ним желающих. Благодаря этому в архиве сохранилось два экземпляра машинописной копии (автограф же, очевидно, затерян Немировичем-Данченко за рубежом). Это письмо Качалова публикуется здесь впервые. Читатели, заинтересованные не менее замечательным ответом Немировича-Данченко, могут найти его в двухтомнике его "Избранных писем".

В.И.Качалов –
В.И.Немировичу-Данченко

Дорогой Владимир Иванович, Давно и много раз хотелось написать Вам, побеседовать с Вами, как с близким своим человеком, которого люблю, чу, с которым складывался за долгую совместную жизнь. Но мешало то большое и тяжелое недоразумение, которое залегло между нами. Не касаться его совсем, говорить с Вами, как ни в чем не бывало, – я, конечно, не мог, – раз уж я оказался в лагере тех, кто Вас – по Вашим словам – оскорбил и обидел. А разобраться в этой истории, как-нибудь оправдать себя или попытаться Вам доказать Вашу неправоту – я тоже чувствую, что не в состоянии. От этого и молчал.

Я не хочу умыть руки и сваливать ответственность на других. Ни от чего, ни от каких слов, поступков, подписей, решений и так далее не отказываюсь: все совершал в твердой памяти и в меру своего разумения. Но почему в результате всего Вы оказались оскорбленным и обиженным нами, да еще в такой степени, что на целый год уходите от нас, – этого понять, в этом разобраться – я не в силах.

Понимаю, чувствую и знаю одно: как человека, обидеть и оскорбить Вас не мог никто из нас. Ни я, ни кто другой. Слишком для этого мы все Вас по-настоящему любим и уважаем, слишком привязаны к Вам. В этом смысле совесть моя покойна, и я смело могу смотреть Вам в глаза. Вам, как человеку. Перед Вами, как перед руководителем Театра, как перед Директором, возможно, что я виноват, и я, и все прочие. Не послушались, не поддержали, не приняли Вашего плана, пошли против и так далее. Как перед Директором, может быть, и виноваты перед Вами все, стало быть, я виноват. Браните меня за несознательность, за ограниченность, даже, пожалуй, за некоторую недобросовестность (зачем, мол, заседать в Совете, будучи "несознательным элементом"). Браните и порицайте, – я не обижусь и не стану оправдываться.

Что же делать, Владимир Иванович, когда эта деловая или плановая, что ли, сторона жизни Театра меня уже не так волнует, и я тут действительно не знаю, что хорошо, что плохо, что на пользу нам и что опасно, что нужно и чего нельзя. Ума ли не хватает, чтобы в этом разобраться, или в какую-то другую сторону, по какой-то другой линии

направлено мое внимание – не знаю точно. Вероятно, и то и другое налицо. Насчет ума моего – не мне судить, да и Бог с ним, с умом. А вот куда же, по какой такой линии направлено мое внимание?

Вот что – по этому поводу – хочется мне сказать Вам. Все чаще и чаще я стал думать о том, какие мы все старые, какой старый наш Театр. Старый, тяжелый, неповоротливый, негибкий, со склерозом, со многими стариковскими болезнями. Не могут уже развиваться и расти наши мускулы и мышцы, – мы живем и работаем остатками прежней силы. Организм наш все-таки, по-моему, еще крепкий, и мы можем еще "протянуть" – и с честью – протянуть несколько лет. Можем еще даже омолаживаться на время! – при благоприятных обстоятельствах – и вновь ощущать в себе былые силы (былые, не новые). Но творить новые дела, взлетать, устремляться к новым горизонтам, думаю, что мы уже не можем. Вся сила наша, весь источник и секрет продления жизни – в нашем прошлом. Мы должны быть консервативными – и тогда мы будем еще жизнеспособны, нужны для современности, тогда мы будем по-настоящему современны. Ведь мы были всегда современны – в этом была наша главная сила, современны по духу, по сущности, по заложенным в нас правдивости, искренности и серьезности, по высоте нашего мастерства, по значительности наших задач, по известной чистоте этической атмосферы. Это все – черты неумирающие, не условные, всегда важные, абсолютно нужные для всякой современности, – для новой революционной – особенно. Не растерять их, бороться со всякими искушениями модного успеха, всякого революционного (и не революционного) снобизма, беречь свое душевное здоровье, свой вкус, требовательность и взыскательность, – вот что, по-моему, нам надлежит делать, помня о нашем почтенном возрасте, которому уже многое "не к лицу" и не по силам. И вот что, по-моему, для нас важнее всего, вот куда направлено мое внимание: это – наши человеческие взаимоотношения. Раз уж мы 25 лет прожили единой дружной семьей (все-таки дружной, несмотря на ссоры и обиды), – нам необходимо человеческое взаимное примирение и взаимное прощение. Это не ханжество, это именно как раз то, что более всего нам к лицу. Нам не к лицу тосковать о том, что мы не совершили еще каких-то больших

новых дел, не сделали новых открытий, не "блеснули очаровательно" перед своим знакомыми новыми валетами и курбетами, нам не к лицу вопить вместе с дядей Ваней о том, какие погубили в нас Достоевские и Шопенгауэры (мы уже относительно старше дяди Вани и должны быть спокойнее и мудрее), и нам необходимо примириться со взаимной недооцененностью, со всеми взаимными обидами недостаточного друг друга признания. Мы уже в том преклонном возрасте, когда с этими обидами можно и должно примириться. Во имя чего? Да вот во имя того "конца", который, если не будет человечески достойным, то зачеркнет все, зачеркнет и наше начало и всю нашу жизнь. И в наших собственных глазах зачеркнет, и перед историей. Не одинокими банкротами, извергшимися в своем театре и друг в друге, взаимно враждующими и отвернувшимися друг от друга, а дружной человеческой семьей, может быть единственной в мире театральном – семьей – мы должны идти к своему концу со спокойным сознанием значительности всего нами совершенного, то есть и совершенного в театре (всеми вместе, без счетов и споров, кто больше, кто лучше) и, главное, совершенного в жизни или в душе нашей, то есть сознание значительности всех наших человеческих преодолений, жертв, уступок, прощений и примирений.

Вы скажете: "Что он все об конце да об конце. Ни письмо, а панихида"... Скажете: "Думаете себе сами об умирании, а я хочу и буду жить и творить". И я буду рад за Вас, если Вы так скажете. Но еще более буду рад – и за Вас и за нас, если Вы скажете: "Давайте вместе жить и вместе не думать ни о каком умирании". Это, конечно, самое лучшее не думать об умирании. Но что для этого нужно? Как раз, по-моему, и нужно – как можно меньше думать о будущем, о новой жизни и новых делах (потому что тут-то мы и почувствуем, что стары, бессильны и скоро – конец), – а больше думать о нашем прошлом, чаще окунаясь в него душой, от него получать силу и веру, от него заражаться нашей же собственной, вместе изжитой молодостью. Надо как можно больше любить и ценить наше прошлое, ощущать его силу, ту его сущность и ту форму, в которое и сейчас можно верить.

Я ведь не говорю о самоуспокоении, самоудовлетворении и тем более не говорю о "блаженном умирании и вечном покое".

Нет! Надо жить, надо работать. Хорошо надо жить, дружно надо работать. Старые, спокойные, умудренные – мы должны держаться той спасительной линии, которая будет далека от вечного покоя и заживо гниения, но также далека от лихорадки бессильных взлетов и исканий, дерзаний ради дерзаний, попыток и покушений с негодными уже средствами, нерасчетливых порывов и таких срывов, которые грозят нам уже не шишками на лбу, а полным крахом и безнадёжным увечьем.

Я не говорю, что не надо совсем думать о будущем. Нет, о завтрашнем дне надо думать, и молодежи нашей надо думать, и о том, куда вести театр, чтобы лучше и надежнее его сохранить. Но об этом думать можно и должно – уже не скрепящая и не ломая копий, без запальчивости и раздражения, не расходясь друг с другом. Неужели же и в вопросе, как сохранить свой Театр, – мы будем расходиться, обижать и оскорблять друг друга? Не допускаю этого. Верю в наш инстинкт самосохранения и в ту силу прошлого, которая будет служить нам объединяющим цементом. Во имя этого прошлого, в котором все наше будущее, – мы должны тянуться друг к другу, преодолевая все обиды, побеждая все взаимно-отталкивающие силы.

Владимир Иванович! Вы не должны, не можете терять в нас близких, родных, нужных Вам, своих людей. Верю, что через все обиды от нас, через невольные вины наши перед Вами, – Вы сохраните живую, теплую, кровную, человеческую связь с нами, и душой не отвернетесь. Пусть даже и поскушаете иногда с нами в деле, но дело делом, а ведь хорошо и посидеть вместе нам, старикам, на солнышке, на завалинке и повести тихую мирную беседу перед тем, как всем нам навеки расстаться друг с другом.

Крепко, от всей души обнимаю Вас, дорогой Владимир Иванович и прошу за меня нежно и почтительно поцеловать ручку Екаторине Николаевне.

Ваш Василий Качалов

Публикацию подготовили
научные сотрудники
Музея МХАТ О.Радищева
и Е.Шингарева

Зеран и Алена –

– с. в.